

## ВЛАДИМИР ЯШКЕ

### АМБА И ДРЕВЕСНЫЕ МЕДВЕДИ

Сам я их никогда не видел, — рассказывали. Правда ли, нет — как запомнил. Живут они на моей родине в Приморской и Уссурийской тайге, что на Дальнем Востоке, живут на деревьях, лохматые, маленькие, с круглой башкой, незлобивые, неторопливые, а чем питаются, мне неизвестно: то ли маньчжурскими орехами, то ли диким виноградом и ягодой какой, а может, лягушками и шишками — кто их знает, что им нравится. Очень они мне в этих рассказах полюбились. И я часто представлял себе их. Как они лазают по деревьям да лианам, забираясь на огромные вековые с большими уютными дуплами может дубы, а может и еще какие лиственницы. Как они устраиваются у вершин, запутанных лианами, вьюнами и старыми гнездами, и сидят там, лениво щелкая кедровые орешки да по-хрустывая сочными молодыми побегами бамбука. Сидят и глядят поверх нашей дремучей тайги, что колыхается под ними, как великий океан с огромными волнами сопки и седыми гребнями заоблачных скальных вершин, глядят себе то туда, то сюда своими огромными круглыми влажными спокойными, как ясное полночное бездонное черное звездное небо, меланхолическими глазами. И тишь стоит, или ветер соленый с Японского моря дует — сидят себе да покачиваются, как пушистый животный камыш, в уютном привычном им каждом звуком и каждым движением царстве. Орел пролетит или журавли какие даурские потянутся курлыкающим серым клином в заморские какие края, — они, перестав жевать, проводят птичий полет взглядом до горизонта, тающего в дымке, дружно и неспешно разворачивая головы, да опять начинают жевать, покачиваясь вместе с деревьями. В непогоду, ураганы, тайфуны — нередкие там — прячутся они, должно быть, в гнездах и дуплах, каких в тайге тьма тьмущая. Так живут себе неспешно и плодятся, не торопясь. А зимой забираются поодиночке, попарно, семьями или кучкуются — в самые большие, устланные душистой сухой травой и пушистыми перьями и бархатистыми мхами уютные теплые гнезда, закрывают вход ветками, заплетают лианами и дрыхнут себе, посасывая то запасы орехов и ягод и бамбука, а то и просто лапу, до самой весны. А вокруг зимой бушует пурга по несколько дней кряду и, день другой отдохнув, метет и метет и наметает сугробы по метра 3-4, и всякая живая тварь прячется и тихо старается выжить. И лишь жадные до всего и безрассудные к своей жизни люди да тигры, голодные и злые, как цепные собаки, шастают туда-сюда по всей тайге, сплетая свои следы затейливым узором. Но люди до медведей древесных добраться не могут и не умеют узнать, где они прячутся. Тигры, те другое дело. Озверев с голодухи, они лезут на деревья, где чуют древесных медведей в дуплах, выковыривают их оттуда и с раздражением поедают прямо сонных. Нажрут, полежат, облизуя усатые полосатые окровавленные свои морды и лапы, поглядят сверху на зимнюю тайгу, рывкнут пару раз для острастки всего звериного народа да и спускаются по своим делам на привычную им заметенную снегом землю, не забывая, впрочем, прихватить пару-тройку древесных малышей себе про запасец да семейству на прокорм. Серьезный это зверь, шутить не любит. Таежный народ — гольды, нивхи и другие Амбой его зовут, хозяином тайги почитают и извиняются перед ним, прежде чем убить его, и даже перед убитым уже, если Амба не сам виноват и первый не напал. А русские ловят его для зоопарков как самого крупного из кошачьих на всей Земле, и «амба» по-русски означает конец всему, смерть, финал, крышка, шабаш — в смысле прекращения того, что было, а чаще всего самой жизни. Серьезный он, Амба — дальше некуда, кроме человека. Настоящий хозяин. И страшный. Только человек его страшнее. Тигр — это вообще. Амба — это Амба, а так — тигр и тигр, и все тут. Весной звери тянутся к теплу, у Амбы прокорма и на земле хватает, так он ходит довольный, что нет нужды лазить по деревьям и копаться в дуплах, забитых древесными мишками: «брр,— думает Амба, — нет уж, лучше здесь, пониже и попросторней, а меню не в пример разнообразнее». Одно слово — Амба.



А древесные медведи как раз все и просыпаются. Я много раз представлял себе: солнце пригревает, птицы пересвистываются, стволы прогреваются, и воздух пряно и опьяняюще пахнет так сызмальства знакомо тальми снегами, прелыми прошлогодними листьями, древесными соками, струящимися из-под коры смолами, морской с заливов и лагун солью, в истоме набухающими клейкими почками, душистыми первыми травами и подснежниками. Древесные мишки шевелятся в дуплах, ворчат, урчат и вылезают с опаской, покачиваясь на лежалых, неловких, отвыкших двигаться мохнатых лапах. Они щурятся от яркого солнца, зевают, прискуливая, во все пасти, настороженно оглядываясь вокруг и еще, верно, плохо понимая, что к чему, а передние лапы их уже срывают ветки с первыми крохотными еще листочками и тут же отправляют куда надо для жевания. Так, пожевывая свежую зелень, они очухиваются по ходу своих весенних дел. И вот уже опять сидят по верхушкам, наблюдая, как идут внизу по талому снегу потомки древнего царства Джурджений — маньчжуры и гольды или кто там на весеннюю охоту и таежную разведку звериных троп и женьшеневых потаенных полян, а бородатые лохматые русские за Амбой по следу с попутными корейскими собирателями, а по набухшей паводками урчащей Уссури плывет в лодке какая-нибудь нивха мимо мараловых да кабаньих водоемов. И так хорошо им там наверху, древесным медведям, как лучше для них и не бывает на всем свете. И живут они себе и плодятся. Такой таежный народ.

*Лиговка, 1982*